

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

С. ЗЛАТОВРАТСКАЯ

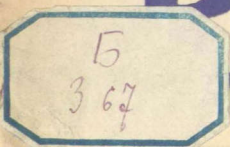
У МИШКИ

В БЕРЛОГЕ

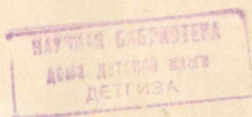
РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 1927 г.

НАТЯН

18972

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

№ 43

3-671

С. ЗЛАТОВРАТСКАЯ

У МИШКИ В БЕРЛОГЕ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Рисунки и обложка
А. КОМАРОВА

*Допущено Научно-Педагогической Секцией
Государственного Ученого Совета*

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА — 1927

Б

3672 с.у

КАТАЛОГ

18974

1957-58 г.

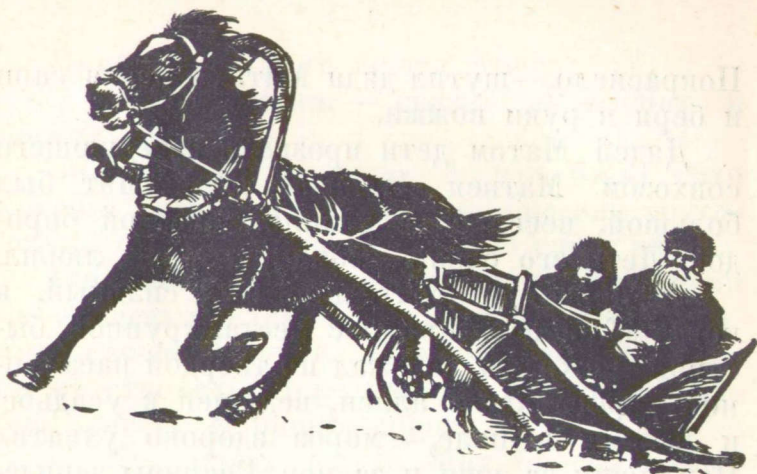
Отпечатано в 18 тип. "Мосполиграф"
им. М. И. Рогова (Петровка, 38)
в кол. 10.000 экз. Главлит № А-3948.

Мн

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

У Мишки в берлоге.

— Ну, Павлушка, готов, что ли? — сказал дядя Мат, осаживая своего коротконого вороного иноходца Жука, который ни за что не хотел стоять на месте и нетерпеливо перебирал ногами.

— Готов, — ответил Павлушка, — ту же затянул пояс на своем новеньком нагольном полубубке, растолкал ребят и полез в сани.

— Все Павлушку, да Павлушку, — ворчали ребята. — Чай, и нам хотца покататься.

— Покатаетесь и вы в свое время... Подрасти вам, пузыри, еще надо маленько. Ишь мороз-то какой!.. Солнышко даже застыдилось...

Покраснело,—шутил дядя Мат, садясь в сани и беря в руки вожжи.

Дядей Матом дети прозвали заведующего совхозом Матвея Ильича. Дядя Мат был большой, веселый, с длинной светлой бородой. Дети его очень любили, и он их любил.

А мороз действительно был сильный, и когда Жук, взяв прямо с места, крупной, быстрой иноходью побежал по твердой наезженной дороге вдоль аллеи, ведущей к усадьбе, и выехал в поле,—мороз здорово ухватил Павлушку за уши и за нос. Ресницы заиндевели и слепили глаза.

А Жук все прибавлял хода. Позвякивал подковами и фыркал, выбрасывая из ноздрей розовый пар.

Ну и здорово,—сказал дядя Мат и подтолкнул плечом Павлушку... Жив, что ли, а?

— Жив,—ответил Павлушка и подул в кулак. Хотя и в варежках был, а все же пальцы пощипывало.

— Нос-то цел? — Дядя Мат заглянул под ушастую шапку Павлушки и сам себе ответил: — цел. Коли что, три сильнее.

— Ладно... А ты скажи, когда он побелеет-то. Как мне знать... — сказал Павлушка.

— Ладно, скажу.

Вот и лес... Жук пошел тише... от А

— Экая красота, — сказал дядя Мат и бросил вожжи.

Да, лес был красив... А как было тихо кругом. Разве каркнет где ворона или хрустит обломавшаяся под тяжестью снега ветка...

Спит лес. Лежит снег толстыми подушками на лапистых елях, под елями, на пнях... Заиндевели все кругом... Играют красные огоньки на стволах... Переливается серебром голубой снег по сторонам дороги.

— Ну, держи, — дядя Мат бросил вожжи Павлушке, взял топор и слез с саней.

— Ты куда? — спросил Павлушка.

— Насечки на деревьях сделать... Завтра пилить приедем. — И дядя Мат пошел в глубь леса. Ноги по колена уходили в снег. И дядя Мат, как большой косолапый медведь, переваливаясь с боку на бок, с трудом пробирался вперед.

Павлушка смеялся.

Потом Павлушке стало скучно. Он смотрел по сторонам и ждал, когда вернется дядя Мат.

Посмотрел налево. Посмотрел направо. Елки старые, а около горой снег.

„Знать, валежник, — подумал Павлушка. — Ишь снегу-то навалило. Гора!

А что-то там наверху?.. Ровно подтаяло... Али нора чья? Поглядеть бы...“

Жук стоял смиренно и не проявлял особенного желания бежать. Хозяина, должно быть, ждал. Лошади — они умные.

„Не уйдет“, решил Павлушка, сполз с саней и пошел к валежнику.

А тут и дядя Мат пришел.

— Ты куда это, малыш?—спросил он Павлушку, увидя, что тот собирается лезть на валежник.

— Посмотрю, чтой-то там... Точно нора али гнездо чье...

— Ну, лезь.—И дядя Мат стал делать насечки топором на соседней сосне. Рубнул раза два, оглянулся, а Павлушки нет на куче...

— Что такое?!.. Павлушка, да где ты?..

— Здесь я, дядя Мат,—послышался голос из валежника.

Дядя Мат подошел.

— Провалился, что ли?—И он полез на валежник. Заглянул в дыру и увидел, что торчит только голова Павлушки в ушастой шапке, а сам он глубоко ушел в яму...

— Чего ж стоишь?.. Давай руку... Полезай назад...

— Мягко здесь, дядя Мат.

Дядя Мат засмеялся.
— Ну, коли мягко, так и оставайся тут,— пошутил он.

— Ой, дяденька, живой он,— закричал из ямы Павлушка.

— Кто он-то?

— Не знаю... Только живой он... — Павлушка, видно, испугался не на шутку и чуть не плакал.

— Что за вздор плетешь... Давай руку, вытащу.

Но Павлушка запутался в хворосте и никак не мог освободить руки.

— Ой, дяденька, ходит он подо мной... Тащи меня.

— Тащу... Не медведь ли?..

Схватил дядя Мат Павлушку за шиворот, как котенка, и выволок наружу. И только успел мальчишку бросить в сани, как закачался валежник, посыпался с него снег, и из берлоги вылез большой медведь.

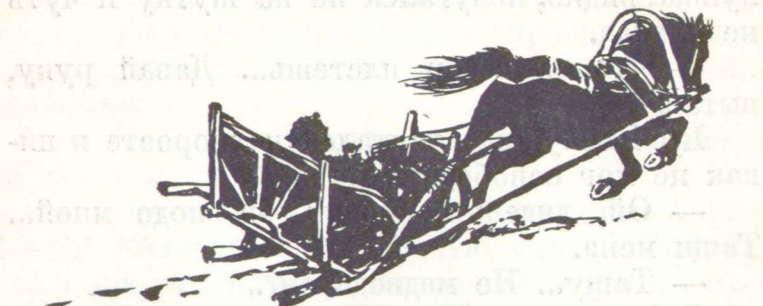
— Медведь! — крикнул дядя Мат. — Держи вожжи!

И только Павлушка взял вожжи, Жук сорвался с места и стрелой понесся по дороге.

— Тпру... тпру... — кричит Павлушка. — Да какое... Жук и не слышит, мчит себе. Скоро

уж и лес кончился... Посветлело. Поредели деревья... Одумался конь. Остановился, фыркает, ушами поводит.

„Что теперь делать?— думает Павлушка.— Как дяде Мату помочь? Ну, как с медведем не справится. Хоть и силен, ловок дядя Мат, ну, а все же с медведем не шути“.

„Поеду назад, в лес...— решил Павлушка,— может, крикнет что“. Стал поворачивать лошадь. Отъехал сколько-то, слышит— дядя Мат кричит:

— Павлушка!..

— О!.. о!.. о!..— отвечает Павлушка.— Здесь мы...

— Езжай сюда!

— Еду!— Хлеснул Павлушка Жука. Пошел тот ходче, смелее: голос хозяина узнал.

Подъехал Павлушка, сошел с саней и видит: стоит дядя Мат и папироску раскуривает. А около валежника большой медведь лежит. Голова пополам разрублена и язык высунут.

— Ну? Убил?!

— Убил.

— Сам один и убил?

— А кто же мне помогал. Ты, что ли?

— Ишь ты... Ну и страшный же! Как же это ты так ловко угостил его?

Дядя Мат засмеялся.

— Вот так и угостил...

И рассказал дядя Мат Павлушке, как дело было. Только он, дядя Мат, бросил Павлушку в сани, обернулся и видит: вышел из берлоги медведь, отряхивается, носом поводит... Дурашливый какой-то. Со сна, должно быть. Ждет дядя Мат, что медведь дальше делать будет, а топор наготове держит.

А тот понюхал, понюхал... Слышит—человеком пахнет. Оглянулся. Увидел дядю Мата, встал на задние лапы и идет на него.

— Не хотел я ссориться с Михайло Ивановичем,—рассказывает дядя Мат.—Да сам он первый в ссору полез... Ну, вот и в ответе... Давай-ка валить его в сани.

Дядя Мат взял под уздцы лошадь. Жук фыркает, ушами прыдет. Глаза сердитые. Нейдет.

— Ну, ну... Чего испугался?!— Дядя Мат потрепал лошадь по морде, успокоил. Привязал покрепче к дереву и стали они с Павлушкой зверя в сани валить. Упарились, измучились, возившись с ним. Ну, а все же добились своего: уложили медведя в сани и повезли домой.

— Ну, пузыри! Теленка вам привезли. Хо-ро-ше-го... Смотрите-ка...

Ребятишки, как мухи, облепили сани. Дядя Мат отдернул рогожу.

— Ведмедь!—Горохом посыпались ребята от саней.

А старая ребячья нянька Трофимовна ворчит...

— Ишь, беспутный!.. Нешто можно так-то ребят пугать. Долго ли до греха!

А дядя Мат смеется себе в усы да покуривает.

Норкина тайна.

— Не иначе, как у нее щенята где ни то припрятаны, — сказал белобрысый вихрастый пятилетний Митюшка и дотронулся пальцем до красного, свесившегося на бок языка собаки.

— Щенята?! Тоже скажет! — Настя сурово посмотрела на Митюшку. — Глупый ты, Митька... Нешто ей время сейчас щениться...

— Норка всегда щенится под крыльцом... Ей и тут хорошо... И не к чему ей другого места искать, — решил степенный, рассудительный Павлушка и снял с курчавой головы собаки приставшую к ней соломинку.

Худенький, востроносый, хромоногий Костя молчал и только пристально глядел в черные ласковые глаза собаки, точно хотел угадать по ним ее собачью тайну.

Разговор этот происходил на широкой зеленой лужайке перед большим каменным зданием, с широкими ступенями и высокими круглыми колоннами, в котором помещался детский дом для крестьянских детей-сирот. Виновницей же этого не совсем обычного для детей разговора была собака Норка—черный, в густой курчавой шерсти совхозовский пудель. Она похлопывала по земле хвостом в ответ на ласки детей и... молчала. Если бы она умела говорить, она, наверное, все бы рассказала детям. С ребятами она была в большой дружбе—и ребята ее не обижали, и она ребят не обижала.

— Щенята?—не унималась Настя.—Нешто щенята кости да мясо могут есть? Когда-то еще у них зубы вырастут.

— Кости не могут, а мясо могут,—сказал Митюшка. Он все стоял на своем: у Норки где ни то припрятаны щенята. К ним она и бегают и мясо для них припасает. И сколько бы ей стряпуха ни давала—все Норка унесет себе под крыльцо и припрятет. Прежде этого с Норкой никогда не бывало. Балованная она, Норка, и выбирает, что повкуснее.

Долго спорили ребята о том, куда по нескольку раз в день бегают Норка? Кого

кормит? Почему не стала играть с ними, ребятами, точно у нее какое свое дело есть, своя работа? Спорили, спорили — и все без толку.

— Надо это дело расследовать, — решил Павлушка. Он был старше всех ребят, ему уже шел восьмой год, и последнее слово всегда оставалось за ним. И поэтому ребята молчали и ждали, что еще скажет Павлушка, что посоветует сделать.

И Павлушка надумал.

— Устроим за Норкой слежку. Но, чур, молчок... Никому ни единого словечка. Это Норкино дело, ее тайна... А Норка зря ничего не делает. Это уж всякий знает.

На этом и разошлись.

Еще роса не сошла с травы и солнце пряталось за деревьями, а вся детвора крепко спала, когда наши заговорщики потихоньку сползли с своих кроватей и, пройдя на цыпочках, не дыша мимо задремавшей под утробня Трофимовны, вышли на террасу, а затем и в сад. Обогнули дом и остановились за кустами.

Митюшка вызвался поглядеть: у себя под крыльцом Норка или уже убежала. Но только-

что выглянул из-за кустов, видит — Норкина голова показалась из-под крыльца, а потом и вся она вылезла. В зубах у Норки был большой кусок мяса с костью, который накануне вечером ребята нарочно выпросили для нее у стряпухи.

Ребята притулились. Норка осмотрелась и мелкой трусцой, не спеша, побежала в глубь парка. Ребята за ней.

Норка бежала по дороге, которая вела к заброшенному, заросшему травой пруду. Ребята прятались за деревьями и не отставали от собаки. За прудом стоял полуразвалившийся сарай. К нему-то и побежала Норка. Ворота были неплотно прикрыты. Толкнув лапой одну из створок, Норка пробралась в сарай.

— Говорил, не иначе, как у нее щенята здесь, — сказал Митюшка. — Не верили... Ан, оно так и есть.

И Митюшка прилип к щели. А за ним и все.

— А вот и не щенята, — громко сказала Настюшка.

Но мальчишки так на нее цыкнули, что она сразу замолчала и не решилась продолжать дальше.

— Никак собака?! Так и есть собака, — сказал Костя.

— Верно... Собака. Белая, — подтвердил и Павлушка.

— И худая же, страсть... Глядит-ка, и головы не держит. Митюшка уже и думать забыл о щенках.

— Глядит-ка... Глядит-ка, ребята... Норка-то наша никак кормит ее... — теперь уже шопотом сказала Настюшка и цыкнула на Митюшку, который, думая сделать щель побольше, закрипел досками.

— Врешь?!. Ребята еще плотнее прилипли к щелям и теперь уже молча наблюдали за тем, что делалось в сарае.

А в сарае вот что было: напротив худой, как скелет, белой в коричневых пятнах собаки, сидела Норка. Высунув язык и наклонив голову, она внимательно смотрела на нее. А та с трудом подняла морду и старалась зубами и лапами оторвать кусок мяса от большой кости. Но болезнь или голод так ее обессилили, что справиться с костью ей было трудно, и она оставила ее. Положив голову на лапы, больная собака закрыла глаза и некоторое время лежала неподвижно. Тогда Норка пришла ей на помощь: она стала раз-

рывать твердое мясо своими острыми мелкими зубами на небольшие куски и класть их перед ее мордой. Больная собака открыла глаза, потянулась мордой, подобрала языком кусок и

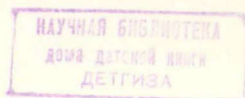

с жадностью его проглотила, потом другой, третий...

Когда кончен был завтрак и осталась только голая, обгрызанная Норкой кость, Павлушка дал знак ребятам, что пора уходить. И тихо, сторонкой, все такие же молчаливые, дети побежали домой и неслышно легли в свои кровати.

Ребята строго держали уговор и хранили Норкину тайну. И уж больше за ней не

У Мишки в берлоге

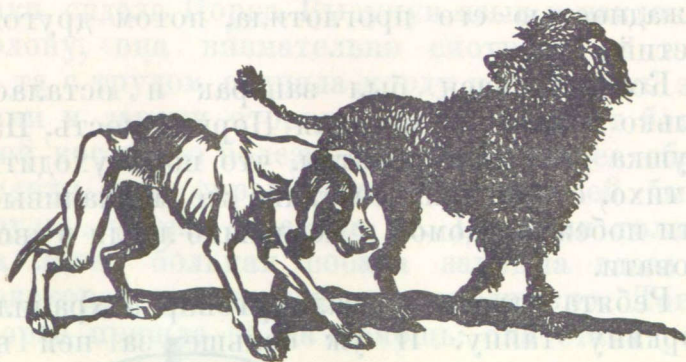

свели, хотъ и не сговаривались. Только Павлушка как-то сказал:

— Норкино это дело, не наше... И нечего в него нам соваться.

С Норкой дети были особенно ласковы и выбирали для нее самые вкусные куски. А через неделю Норка после своей прогулки в парк вернулась уже не одна, а привела за собой и больную собаку, которая медленно плелась за ней, на каждом шагу припадая задом и тыкаясь в землю мордой.

В больной собаке служащие совхоза узнали пропавшую без вести полгода назад охотничью собаку бывшего завхоза — красавицу Джени. Доктор Михаил Михайлович вылечил Джени, и теперь обе собаки были верными и преданными друзьями детей.

На тетеревей.

Сейчас же за речкой, к которой почти вплотную подходил детдомовский парк, начинались „Сечки“.

Летом в „Сечках“ было много ягод: земляники, малины. А сейчас, по осени,—орехов.

Много было в „Сечках“ и всякой дичи, а больше всего тетеревей. Со всей округи приходили в „Сечки“ охотники.

Очень хотелось Павлушке поохотиться на тетеревей, да и другим ребятам тоже. Был у Павлушки самострел самодельный да рогатка резиновая.

— Что ж, — рассуждал Павлушка, — ежели в стрелу гвоздь хороший вколотить да такую стрелу в тетерева пустить. — и ружья не нужно.

— Попасть бы только, — сказал Митюшка.

— Попасть—отчего не попасть. Попасть можно...—рассуждал Павлушка.

— Только бы к себе подпустил,—вставил хромоногий Костя.

— Как же, подпустит он вас... Ждите,—дразнилась Настя. Мальчики собирались на охоту, а ее не брали. Досадно ведь...

Отпросились по орехи, а решили будут охотиться.

Пошли вчетвером: Павлушка, Митюшка, Костя хромоногий да Колька еще.

Пошли с утра. Утра по осени морозные: уши щиплет, и роса белая, как снег. Над рекой пар розовым облаком стоит.

По узким кладням перешли через реку на другой берег и вошли в „Сечки“.

Орехов и... и... сколько... Горстями обирай... Да не затем пришли ребята. Орехи будешь рвать—всю птицу перепугаешь. А Митюшке не терпится... Нет, нет, да и ущипнет орех, другой... Закачается ветка, зашумят листья... Цыкнет на него Павлушка. Застыдится Митька и побежит за товарищами. Долго ходят по „Сечкам“ ребята. Держит Павлушка самострел наготове, а Колька—рогатку.

— У-у-ух... Ш...ш... — зашумело, заухало в соседних липках.

— Тс... тетерев,—шепчет Павлушка. Стоят ребята, дыхнуть боятся. Павлушка, крадучись, обошел кусты, обернулся и глазам не верит: сидит на ветке тетерев, черноперый, краснобровый, тетерев-косач.

Замер на месте Павлушка. Догадались ребята: увидел Павлушка тетерева. Подползли на животах.

А Павлушка поднял самострел и тетиву натягивает... А у самого сердце: тук... тук... тук... А ну, как улетит—и стрельнуть Павлушка не успеет.

— Ближе подходи. Ближе,—шепчет Колька. И хочется ему из рогатки выстрелить, да боится—Павлушка заругается.

Стал Павлушка ближе подходить. А тетерев хоть бы что, сидит себе. Даже как будто уж и обидно. Точно и не охотники.

„Подожди, — думает Павлушка. — Вот я сейчас тебя попотчую. Посидишь у меня“.

Ловок был стрелять Павлушк. Раз!.. Натянул тетиву, полетела стрела, ударила прямо в правое крыло тетереву.

— Ловко!—Колька даже с земли вскочил. Да поглядел на тетерева и онемел. Сидит тот, как сидел на ветке, и хоть тебе что: точно и не в него стреляли.

Смутился и Павлушка. Ну, а все же достал из-за пояса другую стрелу. Натянул тетиву: раз... Попал тетереву в голову. Закачался тетерев.

„Неуж улетит?!“ думает Павлушка. Какое, сидит себе тетерев и не шелохнется. Разозлился Павлушка...

— Стреляй, Колька, и ты, — говорит. — Давай вместе. — Только прицелились, да как посмотрели на тетерева, так и обмерли. Закачался вдруг тетерев, да как сидел, сложа крылья, так и стал подниматься над веткой, на которой сидел.

Не успели ребята сообразить, в чем тут дело, как зашевелились кусты, и из них выполз лысый старикашка в драном армяке и лаптях, с одностволкой в руке.

— Ах вы, паршивцы! Так это вы в моего тетерева стреляли. Червяки! Да нешто вы не видите, что неживая птица... Чучело для приманки поставлено. Ишь, расшумелись тут. Все мне дело испортили. Какой теперь тетерев к себе подпустит. Охотники тоже... Тьфу.

Отплюнулся старик... Подхватил свой шест с тетеревом и ушел.

А наши охотники поплелись... по орехи.

Кто упрямее?

У Кольки щеки красные, как два яблока, а глаза, как щелочки. Колька парень деловой и упористый: уж если что возьмется делать, дело доведет до конца.

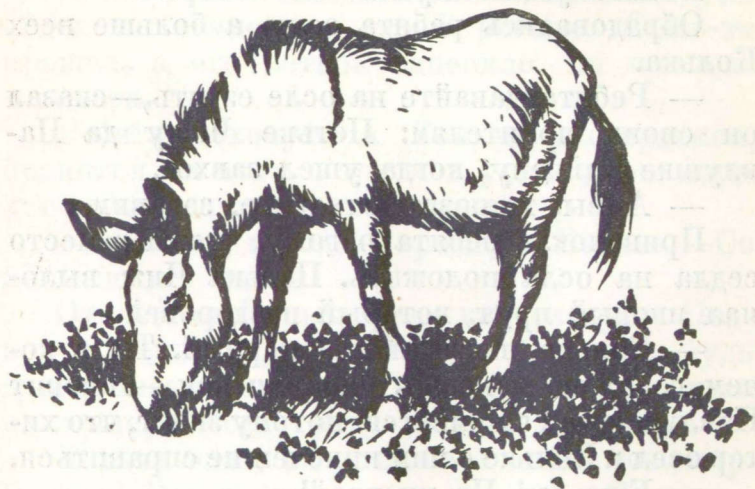
Колька в детдоме не один: Колек—четыре, Васек—три, Митька—один. Костя—тоже один. Хромой Костя. Да еще Павлушка один. А есть еще Ваньки, Илюшки, Петьки, Сеньки, Маньки, Варьки, Соньки. Всех и не упомнишь. У Кольки, когда он начинает считать всю эту ватагу, нехватает пальцев на руках, и он сбивается со счета.

Кабы были все из одной деревни, а то, поди, из деревень десяти собрали ребят в этот большой белый дом с колоннами и большим парком, в Петрушинском совхозе.

Ну и совхоз! Долго таращил глаза Колька, пока не попривык ко всем диковинным штукам, которые увидел здесь.

Чего только не было в этом совхозе! Машины разные: плуги, косилки, сеялки, молотилки, веялки, рондали и даже трактор.

Была здесь и скотина всякая: лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, телята. А птиц сколько, страсть! Индюки, индюшки, гуси,

куры с цыплятами, утки с утятами. И даже павлин с павою.

И был в совхозе осел. Старый да упрямый. Был он очень стар и даже сесть начал.

Делать осел ничего не делал и пасся целый день в парке.

Как-то раз приводит дядя Мат (завхоз) осла и говорит:

— Вот вам, ребята, осел. Будет он вам заместо коня. Обидеть он вас не обидит, смирный. Но вот уж упрям, так упрям. Упрямее тебя, Колька.

Колька ухмыльнулся. Не поверил.

Обрадовались ребята ослу, а больше всех Колька.

— Ребята, давайте на осле ездить,—сказал он своим приятелям: Петьке Чижу да Павлушке Зайцеву, когда ушел завхоз.

— А вы, мелюзга, отходите, задавим.

Приволокли ребята рогожу, чтобы заместо седла на осла положить. Петька Чиж выломал ивовый прут, который поздоровей.

— Колька, поезжай ты первый. Ты с конем, говоришь, умеешь управляться,—говорит Павлушка, а сам смеется: потому знает, что хитер осел и Кольке с ним нипочем не справиться.

— Еще бы! Не впервой!

Подвел Колька осла к пенышку,—не дорос, чтобы прямо с земли садиться. Сел. Поехал. Ничего, идет осел и кнута не просит.

Только куда идет? Росла недалеко липа большая, старая. Ветки низко опустила. Сооблазил осел (не так глупы ослы, как думают

про них люди), как ему от непрошенного се-
дока избавиться,—да к этой липе.

— Куда! Куда!—кричит Колька и за узду,
что есть мочи, тянет. А осел хоть бы что:
прет прямо под липу да норовит, шельмец,
там пройти, где ветки пониже опустились.

И не успел опомниться Колька, как уже
сидел на земле, на своей рогоже. Осел-то
прошел, а его веткой зацепило, он и сполз
с хвоста.

Ребята хохочут. А Колька рассердился,
бранится на осла, а тот и в ус не дует: щип-
лет траву да хвостом помахивает.

— Ну нет, погоди!—грозится Колька:—Со
мною шутки плохи.

Отхлестал Колька осла как следует. Под-
вел к пеньшкx, сел. Поехал. Осел, не будь
дурак, опять под липу. Опять Колька валяется
на земле, а осел траву щиплет.

Колька опять на осла, осел опять под липу.
Потеха! Раз десять так валял осел Кольку.

— Эй, Колька, брось! Не переупрямить
тебе осла,—кричит дядя Мат с гумна.

Но Колька не слушался; в азарт вошел.
Не хочет ослу уступить. На себя стал не по-
хож: вспотел, волоса ершом встали. Лицо, как
кумач, носом сопит.

Хорошо к ужину позвонили, а то хоть оттаскивай его от осла.

Ночь Колька спал плохо. Все думал, как бы ему осла переупрямить.

Утром ребят рано разбудили. Овес был скошен, и ребята должны были снопы стаскивать в копны.

Вот тут-то, на поле, и додумался Колька, как ему осла переупрямить.

Как пришел домой и обеда не стал дожидаться, побежал осла искать. Сам и узду надел на него.

На дворе дядя Мат встретился.

— Опять, Колька, за свое принимаешься? Осла, брат, не переломаешь, на то он и осел!

— А вот посмотрим, — говорит Колька, а в руке пучок овса держит, с поля принес с собой.

Узнали ребята, что Колька опять за осла принялся, про голод забыли, прибежали.

Сел на осла Колька. А в руке наготове овес держит. Только хочет осел к липе итти, а Колька перегнулся да с другой стороны овсом его манит. Покосился осел на овес... Тянется мордой, а не достанет. Ничего не поделаешь: повернулся, пошел за овсом и про липу забыл.

Захлопали ребята в ладоши, закричали.
А Колька похваляется.

— Что,—говорит,—кто кого переупрямил?

— Да,—говорит дядя Мат,—упрям осел,
а ты у нас, Колька, еще упрямее!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
У Мишки в берлоге	3
Норкина тайна	12
На тетеревей	19
Кто упрямее	24

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Серия книг для внешкольного чтения учащихся школ I ступени.
Допущена ГУС'ом, рекомендована Главсоцвосом.

Задача „ЧИТАЛЬНИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ — дать интересный и доступный материал для внешкольного чтения учащихся школ I ступени.

Содержание отдельных выпусков „ЧИТАЛЬНИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ построено так, чтобы они могли служить подсобными книжками при проработке программ трудовой школы.

Не повторяя своим изложением учебных книг для чтения, выпуски „ЧИТАЛЬНИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ дают самостоятельное чтение детям в возрасте от 8 до 12 лет.

Каждый выпуск составляет законченное целое.

Все выпуски снабжаются большим количеством рисунков, фотографий, карт и пр.

„ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ является подписным изданием, повторяющимся из года в год. Программа выпусков строится таким образом, чтобы в конечном итоге издание могло служить основным ядром школьной библиотеки.

„ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ дает ежегодно около 25 номеров книжек для младших групп и столько же номеров для старших групп школы I ступени.

Все книжки в художественных красочных обложках.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Москва 19. Воздвиженка, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

В 1927 году вышли следующие книжки:

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП:

- БЕЛЯКОВ Н. Сосунок. Ц. 25 к.
БЕЛЯКОВ Н. Скворцы. Ц. 25 к.
БЕЛЯКОВ Н. Ярка. Ц. 30 к.
БАРШЕВА М. и БОБЫНИНА И. Про животных. Ц. 40 к.
БАРШЕВА М. Егорушка в школе. Ц. 35 к.
РЫБНИКОВА М. Ан. И у них есть дом. Ц. 35 к.
ЗЛАТОВРАТСКАЯ С. У Мишки в берлоге и др. рассказы.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП:

- БОГОЛЮБСКИЙ С. Как устроено и работает тело коровы. Ц. 40 к.
БОГОЛЮБСКИЙ С. Как устроено и работает тело лошади. Ц. 45 к.
БОГОЛЮБСКИЙ С. Как устроено и работает тело собаки и кошки. Ц. 45 к.
БОГОЛЮБСКИЙ С. Как устроено и работает тело овцы и козы. Ц. 45 к.
ЛЬВОВ В. Жизнь муравьиной общины.
ЛЬВОВ В. Как живут пчелы.
ЗАБОРСКИЙ А. От каменной горы до печки. Ц. 30 к.
ЗАБОРСКИЙ А. Стекло, его производство и применение. Ц. 30 к.
ЗАБОРСКИЙ А. История бумажного листа. Ц. 30 к.
ВЕНКСТЕРН Н. Братья (Шлиссельбургские узники). Ц. 35 к.
ВЕНКСТЕРН Н. Узник Бастилии. Ц. 35 к.
ВЕНКСТЕРН Н. Царская милость. Ц. 35 к.
ТРУШКОВ В. Своими силами.
БАЙСУТОВ Н. В песчаных степях (туркмены). Ц. 35 к.
БАЙСУТОВ Н. Там, где растет хлопок (узбеки). Ц. 40 к.
БЕРГЕР А. В горах Восточного Закавказья (Азербайджан). Ц. 35 к.
ЛЕОНОВ Н. В горных долинах Алтая (ойраты). Ц. 25 к.
ЛЕОНОВ Н. В степных просторах (киргизы). Ц. 35 к.
ЛЕОНОВ Н. На рыбной реке (остяки-рыболовы). Ц. 20 к.
ЛЕОНОВ Н. По берегам северных морей (поморы). Ц. 25 к.
ЛЕОНОВ Н. Со стадами оленей (самоеды-оленьеводы). Ц. 20 к.
ЛЕОНОВ Н. Охотники (тунгусы и чукчи). Ц. 30 к.
ЛЕОНОВ Н. В лесах Заволжья. Цена 35 к.

Комплект книжек, вышедших в 1927 году, высылается за 8 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Москва 19. Воздвиженка, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Открыта подписка на 1928 год.

В 1928 году выйдет 50 номеров „ЧИТАЛЬНИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“.

Каждый из номеров включает около 32 страниц текста со многими рисунками, photographиями, чертежами и картами.

Подписчикам ежемесячно будет рассылаться по 4—5 номеров.

Первые книжки выйдут из печати и будут разосланы подписчикам в январе 1928 года.

Предположены к изданию в 1928 году следующие книжки:

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП (8—10 лет):

о Ленине, об октябрятах и пионерах, о разных домашних животных, о диких зверях и птицах, о том, как быть здоровым и пр. Всего около 25 номеров книжек большого формата, богато иллюстрированных.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП:

о жизни народов СССР (украинцы, калмыки, армяне, башкиры, белоруссы, якуты и пр.); о жизни наших соседей (китайцы, индусы, персы, поляки, литовцы, румыны, финны и пр.); о великих и грозных явлениях природы; картины из жизни русской природы; из прошлой жизни разных народов; нашей промышленности и пр. Ряд книжек будет посвящен избранным произведениям русских и иностранных писателей (современных и классиков).

Условия подписки: за 50 номеров — 8 рублей с пересылкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: при подписке — 3 р., при получении

№ 25 — 3 р., при получении № 40 — 2 р.

Цена 35 коп.

Р

Н

